

Полина Орынянская родилась и живёт в подмосковной Балашихе. В 1992 году закончила журфак МГУ. Журналист, редактор. Работает в издательском доме «Бауэр Медиа», главный редактор журналов научно-популярной серии «Ступени», «Ступени. Тайны и загадки», «Детектив».

Лауреат Международного литературного конкурса "4-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2015".

Полина Орынянская г. Балашиха

Три ложки сахара. Лимон

...А ты уходишь снова («Дверь закрой!»).
Надолго ли? (А Бог уже смеётся).
И я лечу себе на дно колодца,
сливаясь с этой чёрною дырой.
Хватаюсь за осклизлые бока
осенних дней, кружусь с листвою вместе,
мараю календарь – рисую крестик,
и он похож на хохот (буквой «ха»).

В окне берёза, ей под шестьдесят,
она шуршит о вечном по привычке.
А я ломаю каждый раз по спичке,
свечой встречая пасмурный закат.
Моя собака ждёт куда умней,
она не пьёт коньяк, не матерится –
да будь ты хоть в замшелой Чичен-Ице
среди бездомных траурных камней...

Но я тебя, озимый сладкий сон,
уже рашу под влажною подушкой,
и мятный чай в твоей огромной кружке
вкусней...
(Три ложки сахара. Лимон).

Хочешь узнать, что такое безумие?

Хочешь узнать, что такое безумие,
как от меня отрывается мир?
Ниточка дёрнется непредсказуемо –
и...

И, улетаю, цепляюсь за травы я,
криком кричу – не рождается звук.
Линию жизни о ветки корявые
рву.

Звёзды в глазах. Этих звёзд за глаза уже.
Сердце толкнулось, скатилось луной.
И темнота рассыпается радужной
мною.

Хочешь, скажу, чем ужасно безумие?
Нет, не размытостью полутонов,
не монотонным бессмысленным зуммером
снов.

Страшно не то, что оборвана ниточка
или внутри поднимается вой, –
то, что не можешь дотронуться ни-до-че-
го...

А на аллее нашей липы, липы...

А на аллее нашей липы, липы...
Сидят старушки в вязаных беретах,
Похожих на поношенные нимбы,
А мимо них ползёт на выход лето.

Оно ползёт печально вдоль скамеек,
Янтарных бликов слизывая пятна.
Оно серьёзно августом болеет,
И мой диагноз тот же, вероятно.

Я столько лет прощаюсь с этим летом,
Косых дождей выслушиваю всхлипы...
Однажды нимб мне выдадут за это
И место на скамеечке под липой.

Был скверный день

Был скверный день. Под куртку лезла стужа,
совала между рёбер пятерню.
Холодный ветер выл одну и ту же
мелодию. Деревья были ню –
дешёвые натурщицы в мансарде
художника, входящего в запой.
Куда ни глянь (чего, скажите, ради?),
брела толпа – и я брела с толпой.
Внутри меня ворочалось и ныло.
Хотелось крика – бешеного «А-а-а-а!»
такой животной, дикой, страшной силы...
Мигала лампа. Делались дела.
Весь день на вдохе – чтобы не сорваться,
прожить, дожить, не тронуться умом.
А как? А так! Элементарно, Ватсон...

Нажать shutdown, сбежать, прийти домой,
надеть халат, позвать соседку в гости,
достать коньяк в отсутствие чернил
и полный бак залить с тоски да злости...

Но вечером ты всё же позвонил.

Я стану маленькой придурочной старушкой

Я стану маленькой придурочной старушкой
С железными зубами и в очках,
С кудряшкой пергидрольной на макушке,
В нелепых допотопных башмачках.
Я буду спать ночами беспокойно,
Храпеть и чмокать жалобно во сне,
И буду постоянно недовольна,
Что внуки памперс не меняют мне.
Я буду путать справки и лекарства,
Глотать таблетки по сто раз подряд,
Повсюду видеть подлость и коварство,
Подслушивать, что люди говорят;
Блестеть на всех подслеповатым глазом
И крючковатым пальчиком махать...
За всё за это извините сразу.
Я эту бабку не желаю знать!

Январь. Татры

Отсюда, из спокойного нутра
январских праздников, из лени и безделья
мир кажется не тем, что был вчера.
Зудят ветра под окнами отеля,
читают утомительный верлибр
старухам-пихтам, ржавым и скрипучим.
Наутро тяжким бременем легли

за Татры зацепившиеся тучи.
Уютные дома и там, и тут
цветным драже рассыпаны по склонам
и щурятся на небо, будто ждут
обещанного им антициклона.
Ещё туман клубится и царит –
такой же древний, как подножья Меру,
но в этом ожидании зари –
и верность, и терпение, и вера.
И жизнь, как обязательный набор
известных смыслов, действий и итогов
мне чудится нелепой и убогой,
когда заря струится из-за гор...

Колея

Моя Россия. Рыжая земля,
Раскисшая от стаявшего снега,
Идущая до края колея
Среди травы безжизненной и пегой.

Над вырубкой висит дремотный дым,
Горчит и дразнит смутным непокоем –
Ночными полустанками, тоскою
И привкусом колодезной воды.

И хочется махнуть рукой, ей-богу,
Знакомым окнам, улицам в пыли;
Идти, идти просёлочной дорогой
По скользкому суглинку колеи;

Смотреть, как тлеет солнечный окурок
В тумане припозднившейся зари...

Вы памяти моей поводыри,
Весна и осень, свет и зябкий сумрак...